

изобразить «сию любезную россиянку» в тот момент, когда она плача принимает благословение Ярослава, отдающего ее французским послам. «Это занимательно для воображения и трогательно для сердца. Оставить навсегда отечество, семейство и милые навыки скромной девической жизни, чтобы ехать на край света, с людьми чужими, которые говорили непонятным языком и молились (по тогдашнему образу мыслей) другому богу!.. здесь чувствительность должна быть вдохновением артиста... Князь хочет казаться твердым; но горячность родительская в сию минуту превозмогает политику и честолюбие: слезы готовы излиться из глаз его... Несчастливая мать в обмороке» (7, 333—334).

Летописи не сохранили свидетельств, как часто падали в обморок женщины XI в. Слезы в глазах Ярослава мало вяжутся с его историческим обликом, но переживания Анны писатель-сентименталист рисует поистине вдохновенно.

Еще более подробно, чем об Анне, говорит Карамзин о Рогнеде, причем рисует даже некоторые детали обстановки. Рогнеда представлена в момент, когда князь вырывает «смертоносное оружие из дрожащих рук ее», и она «в иступлении отчаяния» перечисляет нанесенные ей оскорбления. «Я, кажется, вижу перед собою изумленного и наконец тронутого Владимира; вижу несчастную, вдохновенную сердцем Гориславу, в беспорядке ночной одежды, с растрепанными волосами...» (7, 329).

Серию предлагаемых сюжетов Карамзин заканчивает основанием Москвы, овеяв это событие романтическим флером. Он рассказывает предание о любви Юрия Долгорукого к жене дворянина Кучки. «Любовь, которая разрушила Трои, построила нашу столицу», — тезис, который Карамзину хочется сделать центральным, но «художник, соблюдая строгую нравственную пристойность, должен забыть прелестную хозяйку». Приходится ограничиться изображением ландшафта, начинающегося строения, небольшого селения дворянина Кучки с маленькой церковью и кладбищем, Юрия, который показывает князю Святославу, что на этом месте будет построен великий город. Понятна функция всего описанного, кроме кладбища, но в замысле Карамзина оно играет большую роль: «...вдали, среди крестов кладбища, художник может изобразить человека в глубоких печальных размышлениях. Мы угадали бы, кто он — вспомнили бы трагический конец любовного романа — и тень меланхолии не испортила бы действия картины» (7, 337).

Вспомнить эпизоды, овеянные «тенью меланхолии», из трагического периода татаро-монгольского ига было трудно. Вероятно, потому Карамзин и считает, что, подойдя к данному времени, живописец должен уступить место скульптору. Дело ваятеля «сохранить память русского геройства в несчастиях, которые более всего открывают силу в характере людей и народов. Тени предков наших, хотевших лучше погибнуть, нежели принять цепи от